

Фомина Татьяна Анатольевна

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации,
Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
wesna85@bk.ru

Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии*

Для цитирования: Фомина Т. А. Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 122–134. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.108>

В статье рассматриваются существующие подходы к исследованию явлений эвфемии и дисфемии. Выявлено, что методология исследования эвфемии и дисфемии должна опираться главным образом на принцип холизма, что означает синтез данных различных наук, обеспечивающий целостное и междисциплинарное изучение языка как когнитивно-коммуникативного, социокультурного и биопсихологического феномена. Функционально-прагматический и диахронический подходы к исследованию эвфемии и дисфемии выделяются как наиболее эффективные. С целью выявления критериев идентификации эвфемии и дисфемии в рамках настоящего исследования детально рассматривается явление дисфемии и смежные с ним явления. Выявлено, что к дисфемизмам нельзя причислять всю стилистически сниженную лексику, хотя в некоторых случаях пейоративная, табуированная, вульгарная лексика может являться концептуально-семантическим источником дисфемии. Обнаружено, что не существует универсалий эвфемизмов и дисфемизмов, ввиду того что принадлежность того или иного выражения к классу эвфемизмов или дисфемизмов определяется рядом социальных отношений и обычаев, которые различны не только для разных диалектных групп, но и для членов одного и того же сообщества. Таким образом, при идентификации эвфемии и дисфемии необходимо учитывать диахронические изменения в семантике языковой единицы, контекст, в рамках которого функционирует выражение, исходный контекст коммуникации, личное восприятие говорящим объекта или явления. Исследование проводилось на языковом материале современного англоязычного общественно-политического дискурса, медиадискурса, а также англоязычных толковых и этимологических словарей. Выбор материала исследования объясняется тем, что общественно-политический и медийный дискурсы отражают ценности и идеалы широкой аудитории, а это позволяет проследить социально обусловленные диахронические семантические изменения в языке. Наряду с этим экспериментальный контекст медийного и общественно-политического дискурсов демонстрирует динамическую природу икс-фемии.

Ключевые слова: эвфемия, дисфемия, ортофемия, диахроническая семантика, контекст.

* Выражаю огромную благодарность доценту кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России А. С. Дружинину за ценные рекомендации в процессе проведения настоящего исследования.

Когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования, доступные для выбора.

Дж. А. Келли

Введение

Данная статья основывается на лингвистическом исследовании, в задачи которого входили:

- 1) анализ существующих подходов к исследованию феноменов эвфемии и дисфемии;
- 2) анализ концептуально-семантических источников дисфемии и смежных с ней явлений с целью определения феномена дисфемии для последующей идентификации дисфемии в том или ином дискурсе;
- 3) исследование материала современного англоязычного общественно-политического дискурса, медийного дискурса с элементами этимологического и когнитивно-дискурсивного анализа контекста с целью выявления базовых критериев идентификации эвфемии и дисфемии. Методология когнитивно-дискурсивного контекстологического анализа заключается в выявлении, описании и интерпретации в рамках определенной речевой ситуации ситуативных, экспериенциальных и лингвистических контекстуальных параметров.

Подходы к исследованию эвфемии и дисфемии

В современной лингвистической науке существует три подхода к изучению явлений эвфемии и дисфемии: функционально-семантический [Шейгал 2000; Резанова 2008], функционально-прагматический (в рамках диалектики номинативного варьирования) [Allan, Burrige 2006: 29] и диахронический [Kröll 1984: 12].

С точки зрения функциональной семантики (первый подход) дисфемизм определяется как противоположность эвфемизма и как инвектива, основанная на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный [Шейгал 2000: 236]. Характерным примером подобного «объединения» также является статья «Эвфемизм» из «Словаря лингвистических терминов» под редакцией Т. В. Жеребило. Под эвфемизмом здесь понимается «более мягкое выражение вместо грубого или непристойного» [Жеребило 2010: 462]. Эвфемизму противопоставляется дисфемизм — замена «обозначения предмета, явления более вульгарным, грубым, фамильярным словом; единица языка и речи, противоположная эвфемизму» [Жеребило 2010: 96].

В соответствии с Оксфордским словарем английского языка дисфемизм определяется как оскорбительный и «неприятный» термин, используемый вместо «приятного» или нейтрального; противоположен эвфемизму¹.

Иными словами, в рамках данного подхода дисфемия определяется как коннотативно-семантическая противоположность эвфемии, любое потенциально грубое высказывание. Функционально-семантический подход, на наш взгляд, обна-

¹ Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.04.2019).

руживает ряд противоречий ввиду того, что то или иное выражение относится исследователями к классу дисфемизмов или эвфемизмов безоговорочно, без учета когнитивно-прагматических факторов (контекст/дискурс, в рамках которого функционирует выражение, и непосредственно интенция говорящего), а также социолингвистических факторов.

Согласно второму подходу, дисфемия — контекстуально обусловленное смыслопорождение негативной оценочности, прагматически опасное для культуры речевого взаимодействия. К. Аллан и К. Барридж рассматривают явления эвфемии и дисфемии в диалектике номинативного варьирования и предлагают использовать термин-гипероним *икс-фемизм* (*x-phemism*), обобщающий эти явления [Allan, Burrige 2006: 29]. Номинативное варьирование в рамках данного подхода заключается в появлении новых значений слов в рамках определенного контекста. Таким образом, под икс-фемией мы понимаем метакоммуникативный феномен, основными характеристиками которого являются нелинейность и флуктуальность.

Так, в рамках данного подхода, основными факторами эвфемии и дисфемии являются когнитивно-прагматические факторы, к которым в первую очередь относятся контекст высказывания (эмпирическая среда релятивных, но никогда не абсолютных взаимодействий) и интенция говорящего. Необходимо отметить, что понятие «контекст» включает в себя как текущий контекст, так и «исходный контекст коммуникации, т. е. положение дел, которое потом, при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [Дейк 1989: 21]. К исходному контексту относятся как «события и действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, так и информация, аккумулированная в отношении более «ранних» состояний» [Там же]. Интенция же говорящего заключается в том замысле, который он вкладывает в какое-либо эвфемистическое или дисфемистическое выражение и, соответственно, в тех целях, которые он преследует при использовании эвфемии и дисфемии.

Таким образом, выявление критериев идентификации эвфемии и дисфемии в первую очередь должно быть основано на анализе когнитивно-прагматической установки адресанта и условиях, в рамках которых реализуется речевая ситуация.

С точки зрения диахронической семантики (третий поход к исследованию эвфемии и дисфемии), «то, что сегодня является эвфемизмом, может завтра стать дисфемизмом» [Kröll 1984: 12] (цит. по: [Duda 2011: 9]), как и наоборот. Иными словами, при маркировании статуса выражения (определении принадлежности выражения к классу эвфемизмов или дисфемизмов) необходимо рассматривать это выражение в рамках его семантической эволюции. Так, напр., слово *gay* ‘гей’, в соответствии с Оксфордским словарем английского языка, появилось в XIV в. и значило ‘веселый, беззаботный (light-hearted)’; в XVII в. у него появилось новое значение — ‘человек, ведущий свободный и безнравственный образ жизни’. Впоследствии данный эвфемизм трансформировался в т. н. гендерный дисфемизм (*sexual dysphemism*), когда в XIX в. он стал обозначать женщину, ведущую аморальный образ жизни и зарабатывающую на жизнь проституцией². «Слово *gay* считалось нецензурным и оскорбительным выражением вплоть до 1970-х гг., после чего произошла нейтрализация дисфемистической природы этого слова...» [Duda 2011: 10].

² Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com/> (дата обращения: 10.04.2019).

Функционально-прагматический и диахронический подходы к исследованию эвфемии и дисфемии, на наш взгляд, являются наиболее эффективными, так как учитывают роль диахронически и контекстуально обусловленных изменений в языке как сложной динамической системе.

Дисфемизмы и смежные с ними явления

Неоднозначность природы самого явления дисфемии привела к тому, что многие исследователи относят к дисфемизмам любую стилистически сниженную лексику. В рамках настоящего исследования с целью выявления критериев идентификации эвфемии и дисфемии мы попытаемся провести грань между дисфемизмами и смежными с ними явлениями, наряду с этим рассмотрев случаи, когда дисфемизмы могут быть тождественны последним.

Мы считаем, что пейоративная лексика может служить концептуально-семантическим источником дисфемии, но не во всех случаях. Исходя из диалектического лингвокоммуникативного содержания самого понятия дисфемии (не бывает дисфемизма без эвфемистического эквивалента), этот процесс характеризуется «познавательной» вторичностью, производностью, «информационно-прагматической обработкой» [Сидельникова 2013]. Иными словами, в основе процесса дисфемизации лежит не отрицательный, а нейтральный когнитивный опыт языковой личности, который впоследствии получил негативное подкрепление со стороны социума уже в виде лингвистического воздействия (эвфемистической замены), которое в результате становится и психологическим, т. е. есть вызывает отрицательные эмоции. К пейоративной же лексике относятся слова с ярко выраженными негативно-оценочными семами и/или семами социально вредных, пагубных поведенческих характеристик. Таким образом, коннотативный смысл порицания эксплицитен в семантике таких лексем (напр., пейоратив *lecher*).

В связи с этим мы считаем, что пейоративы, обозначающие отрицательные черты характера человека (напр., *hypocrite*), связаны с лингвистическим познанием изначально негативных, эмоционально отталкивающих аспектов личности. Ввиду того, что в подобных случаях не требуется эвфемистическая замена, такие пейоративы не могут считаться дисфемизмами. Напротив, существительное *invalids* как референция не столько к негативно воспринимаемой, сколько к социально уязвимой категории людей, «благодаря» устоявшимся нормам более вежливого обозначения *challenged/differently abled people*, приобрело пейоративный характер и стало дисфемизмом.

В дискурсологии и социолингвистике существует понятие «этнический пейоратив» (ксеноэтноним, этнофолизм, этническая инвектива) [Свирковская 2005], используемое для обозначения этнической принадлежности человека с присущей ему негативной и неодобрительной оценочностью. Такие пейоративы отличаются от традиционных, поскольку не служат референцией к априори негативным аспектам социокультурной сферы (идентификация по национальному признаку не включает в себе порицания и уничижения). Однако в конкретно взятой речевой ситуации (напр., политической полемике) такая референция может приобретать дисфемистический характер, так как совпадает с особым психическим и речемыслительным состоянием говорящего, в котором он антагонистически проявляет

свою национальную идентичность в оппозиции «свой — чужой» (напр., *Jew* ‘еврей’). Рассмотрим случай употребления дисфемизма — этнического пейоратива в дискурсе американского лидера Дональда Трампа и прагматический аспект подобного употребления: *President Trump... has a puzzling nickname for the host of NBC’s “Meet the Press”: “Sleepy Eyes Chuck Todd”* [Zauzmer 2018].

Необходимо отметить, что конфликт между лидером США и журналистом канала NBC возник на почве разногласий по результатам переговоров между США и КНДР. Дональд Трамп дает характеристику американскому телевизионному журналисту Чарльзу Дэвиду Тодду, делая акцент на особенностях строения его глаз и таким образом подчеркивая его принадлежность к еврейскому этносу (*sleepy eyes* ‘заспанные глаза’ являлись одной из особенностей черт лица человека, по которой нацисты определяли принадлежность людей к «еврейской расе» в период Второй мировой войны). Этнические границы являются результатом чувства различия, которое появляется и воспроизводится в процессе взаимодействия, по крайней мере, у одной из сторон, которая отделяет себя от другой по этническим мотивам. Дисфемизация этнической номинации *Jew* ‘еврей’ в данном случае обусловлена прагматическими целями говорящего — путем указания на этническое происхождение собеседника, а следовательно, и на этнические различия, существующие между участниками коммуникации (*American — Jew*), ослабить позиции собеседника, т. е. представителя «чужого» этноса Чарльза Дэвида Тодда.

Таким образом, этнические пейоративы, на наш взгляд, можно считать дисфемизмами лишь в том случае, если они изначально исключают семы негации, фиксирующие коннотативно отрицательный опыт этнокультурного познания, т. е. их оценочность не семантически, а социально обусловлена коммуникативно отрицательной реакцией номинируемой этнической группы, где предпочитается более нейтральный эквивалент (напр., *Eskimo — Inuit*). При этом такой эквивалент узально закреплен за языковым социумом данного этноса, и его намеренная замена на дисфемизм (как правило, не представителем этого этноса) прагматически опосредована стратегией вражды.

Некоторые исследователи зачастую относят к пейоративной лексике табуированную лексику, отождествляя ее с дисфемизмами. Мы полагаем, что табу может являться концептуальным источником дисфемии, но не во всех случаях. Табуированная лексика отличается от пейоративной тем, что характеризует познание не психологически негативных аспектов действительности, а как бы закрытых для познания, нежелательных, но объективно существующих сфер жизнедеятельности, не обязательно связанных с отрицательным опытом. В связи с тем, что такие реалии и концепты никто не отменял, у языкового социума неизбежно возникает нужда в их эвфемистическом объективировании, поэтому в таких случаях табу стоит рассматривать как концептуальный источник дисфемии. Ср.:

- *sex worker*: эвфемизм;
- *prostitute*: дисфемизм-пейоратив;
- *whore*: дисфемизм-табу.

Вульгаризмы, как и табу, представляют собой мощное средство дискурсивной маркированности отдельных социальных групп, в частности малообразованных, малокультурных или «недосоциализированных» слоев населения [Jay 1992: 6]. Это

т. н. язык улицы, простолюдинов, отличительной чертой которого является яркая, но «грязная» и фривольная образность, лишенная эстетики [Mercury 1995].

Если табуированная и пейоративная лексика связана с объектом познавательной деятельности человека, то вульгаризмы характеризуют самого субъекта познания, его социальный статус и, возможно, уровень интеллектуального развития.

Мы считаем, что вульгаризмы в некоторых случаях могут служить лексико-семантическим источником дисфемии, поскольку, подобно табу, кодифицируют коннотативную семантику (оценочности, грубости), но при этом употребление вульгарной лексики обусловлено двойной прагматической маркированностью дисфемистического речевого поведения: говорящий в таком случае не просто игнорирует принятые в обществе нормы контрноминации, а демонстрирует низкий уровень культурного развития. Ср.:

- *urinate*: эвфемизм (специализированная лексика);
- *pee*: эвфемизм (неформальный стиль);
- *piss*: дисфемизм (вульгаризм).

К. Аллан и К. Барридж выделяют понятие «эвфемистический дисфемизм», который представляет собой ругательство с использованием модифицированных терминов (т. е. «более вежливое ругательство»). Так, по мнению исследователей, негативная коннотация лексической единицы *Shit!*, которая является дисфемистичной по своей природе, очевидна, а восклицания *Sugar!* или *Shoot!* не звучат оскорбительно [Allan, Burr ridge 2006: 39].

Инвективы служат особым лингвокультурным механизмом дисфемизации, основанном на концептуальных и речедейательностных факторах. С одной стороны, они, подобно бранной и обценной лексике, вербально моделируют агрессивное поведение в виде оскорбительной и обличительной речи. С другой стороны, в семантике инвектив кодифицирована культурологически значимая информация, основанная на обычаях, традициях и аксиологических особенностях того или иного этносоциума. Инвективы, как правило, характеризуют более высокий ораторский уровень говорящего, и их употребление прагматически ограничено рамками публицистического и смежных с ним дискурсов.

Инвективами стоит считать номинацию аспектов жизнедеятельности, ценностно негативных или табуированных в культуре определенного народа. Например, культуры, аксиологически акцентирующие семейные связи и узы, отрицательно воспринимают номинацию человека вне таких отношений (напр., *son of a bitch* в американской культуре).

Одной из разновидностей инвектив стоит считать язык сексизма, поскольку в его основе заложено культурологически маркированное значение гендерной дискриминации, акцентированной в социальной перцепции современного англоговорящего сообщества. Социально-политические изменения последних лет, включающие бурное развитие феминизма и эгалитаризма, не могли не отразиться на языковой культуре западных стран, в которой определенный пласт лексических и грамматических единиц подвергся реконцептуализации под влиянием гендерно нейтрального замещения, своего рода эвфемизации, обусловленной гендерной политкорректностью. Например, *stewardess* и *policeman* теперь считаются гендерно

некорректной номинацией (гендерными дисфемизмами) «благодаря» социально одобряемым условным синонимам *flight attendant* и *police officer*.

Интересно отметить, что языковая политика «гендерной революции» порождает немало эвфемистических замен, которые подвергаются критике со стороны самих же сторонников феминизма (напр., *shero*, *herstory*, *she* в метагендерной номинации: *allow anyone to do what she wants*). Продукт подобного ангажированного лингвокультурного семантического варьирования слова можно назвать дисфемистическим эвфемизмом. Эффект же подобного процесса можно сравнить с эффектом обратной дискриминации.

Некоторые ученые считают всю обсценную лексику дисфемизмами, поскольку исходят из редуccionистского положения о том, что дисфемизация есть процесс, обратный процессу семантико-оценочного улучшения (см.: [Шейгал 2005: 235]). На наш взгляд, обсценная лексика не может рассматриваться на одном уровне с дисфемизмами, поскольку представляет собой естественный процесс обыденного, малокультурного речевого поведения, являющегося проявлением аффективного (но не когнитивного) состояния человека, близкого к неконтролируемому эмоциональному порыву. В этом случае говорящий не решает никакой интеллектуальной и даже лингвистической задачи, заключающейся в адекватном выборе слова-замены, — это происходит зачастую потому, что слово-замена не сможет послужить необходимой прагматической силой для реализации речевого акта ругательства.

Таким образом, выявлено, что к дисфемизмам нельзя причислять всю стилистически сниженную лексику, хотя в некоторых случаях пейоративная, табуированная, вульгарная лексика и может являться концептуально-семантическим источником дисфемии, и при анализе источников дисфемии и смежных с ней явлений необходимо учитывать когнитивно-дискурсивные, лингвокультурные, социолингвистические и прагматические факторы.

Особенности идентификации эвфемии и дисфемии

Существование понятий «эвфемизм» и «дисфемизм», очевидно, подразумевает наличие нейтральных терминов, которые не являются ни благозвучными (подобно эвфемизмам), ни грубыми и оскорбительными (подобно дисфемизмам); такие выражения, вслед за К. Алланом и К. Барридж, мы называем ортофемизмами (*orthophemisms*) [Allan, BurrIDGE 2006: 31]. Говорящий, как правило, делает выбор в пользу более уместного термина — ортофемизма, который, подобно эвфемизму, является альтернативой оскорбительному выражению. Примерами таких выражений могут служить *pass away* (типичный эвфемизм), *snuff it* (типичный дисфемизм) и *die* (типичный ортофемизм). Однако эту классификацию нельзя считать универсальной, так как принадлежность того или иного выражения к классу эвфемизмов или дисфемизмов определяется рядом социальных отношений и обычаев, которые неодинаковы не только для различных диалектных групп, но и для членов одного и того же сообщества. Поэтому, ввиду разнообразия мнений и отношений, практически невозможно обнаружить единство суждений даже среди участников коммуникации со схожим опытом. Не существует такого понятия, как «ортофемизм-для-всех», «эвфемизм-для-всех» или «дисфемизм-для-всех», т. е. универсалий ортофемизмов, эвфемизмов и дисфемизмов. Чтобы определить, к какой группе относится

тот или иной икс-фемизм (к эвфемизмам, дисфемизмам или ортофемизмам), необходимо учитывать контекст, в рамках которого употреблено выражение. Например, глагол *die* имеет нейтральное прямое значение и в некоторых контекстах может быть вполне нейтральным выражением (т. е. ортофемизмом). Однако это же самое слово будет звучать оскорбительно и приобретет дисфемистический характер в т. н. личном контексте, где образ, который оно вызывает, окажется оскорбительным для участников коммуникации. С другой стороны, такие выражения, как *snuff it* или *croak*, могут приобретать эвфемистический характер для определенных участников коммуникации; т. н. легкомысленность, заложенная в них, нивелирует серьезность самого концепта смерти, что и побуждает говорящего в определенном контексте делать выбор в пользу этих выражений взамен *die*. Очевидно, что шуточный подход к понятию «смерть» является оскорбительным лишь в том случае, если слушатель склонен воспринимать его как оскорбление. В этой связи необходимо отметить роль личного восприятия говорящим того или иного объекта или явления (subject-object relationship). Так, напр., если показать человеку какую-то картину, и впоследствии он даст ей негативную оценку, мы узнаем очень многое об этом человеке, но очень мало о самой картине [Foerster 2003: 201].

Роль контекста с целью идентификации феноменов эвфемии и дисфемии можно проследить на следующем примере: выражение *shithouse* 'сортир' звучит вульгарно и невежливо, если употребляется в рамках обычной, формальной или полужформальной беседы между незнакомыми людьми, однако это же самое слово не будет являться дисфемизмом в рамках армейского контекста. В свою очередь, в армейской среде слово *loo* 'уборная' является оскорбительным, так как воспринимается как «сюсюкание», а потому может быть расценено как дисфемизм [Duda 2011: 11].

В рамках настоящего исследования представляется необходимым выделить понятие «экспериментальный контекст» (experiential context, см. подробнее: [Glaserfeld 1995: 26]). Так, если мы опустим руку в емкость с холодной водой, а затем в емкость с теплой водой, то последняя покажется нам горячей. Определить истинную температуру воды в данном случае будет невозможно, так как все наши суждения обуславливаются экспериментальным контекстом [Glaserfeld 1995: 26], т. е. тем, что мы ощущаем в данный момент времени и при данных обстоятельствах.

Влияние контекста на процессы эвфемизации и дисфемизации можно выявить при проведении когнитивно-дискурсивного контекстологического анализа, компонентами которого являются ситуативные параметры контекста (тип взаимодействия, место взаимодействия, участники взаимодействия), экспериментальные параметры контекста (чувства, переживания и эмоции, которые испытывают участники коммуникации), лингвистические параметры контекста:

Physically challenged man: Excuse me, miss.

Gabriel: Oh, hey there.

Physically challenged man: I guess you didn't see that big blue sign.

Gabriel: What? I have a thingy.

Physically challenged man: Yeah, I noticed that. You don't look handicapped to me.

Gabriel: I'm not. My husband is. He is **blind**.

Physically challenged man: Only he can park here.

G a b r i e l: And how is he gonna park a car if he can't see?³

Действие происходит в одном из американских пригородов на парковке для инвалидов у входа в супермаркет. Диалогическое взаимодействие осуществляется между женщиной-водителем, которая использует знак «инвалид», принадлежащий ее слепому супругу, для парковки своего автомобиля на месте для инвалидов, расположенном у входа в торговый центр, и инвалидом-колясочником, который был вынужден припарковать свое транспортное средство далеко от входа в супермаркет ввиду отсутствия свободных мест на парковке для инвалидов (ситуативные параметры контекста). Экспериментальными параметрами контекста в рамках данной речевой ситуации являются: чувство обиды и несправедливости со стороны инвалида-колясочника и, как следствие, его вербальное нападение на нарушителя с целью восстановления справедливости; чувство уязвленности со стороны нарушителя, и, как следствие, его попытка оправдать свои неправомерные действия. Для оправдания своего поступка нарушитель использует выражение *blind* 'слепой' («Я не инвалид. Мой муж инвалид. Он слепой») (лингвистические параметры контекста). Как известно, выражение *blind people* дисфемистично по своей природе и имеет эвфемистическую замену — *visually impaired persons*. В рамках данной речевой ситуации нарушителю выгоден факт слепоты ее супруга, благодаря чему номинация *blind* теряет свой дисфемистический характер и приобретает положительные коннотации в личном контексте нарушителя — так возникает эвфемистическое значение 'обладающий определенными привилегиями'.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий роль контекста в процессе идентификации эвфемии и дисфемии:

M i k e: How could she go from being with me to being with women?

S u s a n: Oh, Mike, she was probably leaning that way already. She was lucky to have you. You were a nice transition.

M i k e: What?

S u s a n: Well, you know, uh, I... I mean, when you make love, you are so **gentle** and you like to cuddle and...

M i k e: So what are you saying? That I make love like a woman?

S u s a n: No, no. I'm saying... That you are a well-balanced man who is in touch with his feminine side⁴.

Место действия — дом семейной пары Сьюзан и Майка в одном из американских пригородов. В процессе диалогического взаимодействия Сьюзан сообщает супругу о том, что его бывшая возлюбленная поменяла сексуальную ориентацию, и произошло это, по мнению Сьюзан, во многом благодаря «мягкому» (*gentle*) характеру Майка (ситуативные параметры контекста). Экспериментальными параметрами контекста являются, с одной стороны, желание Сьюзан доказать супругу, что такая черта, как мягкость характера, является достоинством для мужчины, с другой — чувство обиды со стороны Майка ввиду ущемления его мужского достоинства. В попытке убедить супруга, что мягкость характера не умаляет его ма-

³ Desperate Housewives. Season 4. Episode 12. 2008. Scenarist M. Cherry. 19:35–19:58. <https://watch-desperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2019).

⁴ Desperate Housewives. Season 6. Episode 17. 2010. Scenarist M. Cherry. 13:04–13:35. <https://watch-desperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2019).

скулиность, Сьюзан использует выражение *gentle* (... *you are so gentle, and you like to cuddle...*) (лингвистические параметры контекста), что приводит к обратному эффекту. Так выражение *gentle*, эвфемистичное по своей природе, в рамках личного контекста уязвленного супруга приобретает для него дисфемистический характер, ввиду того что в его интерпретации номинация «мужчина, обладающий мягким (*gentle*) характером» становится равнозначной номинации «слабый, женоподобный мужчина».

Необходимо отметить: даже несмотря на то, что выбор между альтернативными выражениями будет всегда зависеть от контекста, человек, как правило, органически склонен воспринимать те или иные выражения в качестве ортофемизмов, эвфемизмов или дисфемизмов. Так называемая оценка выражения «по умолчанию» (определение принадлежности выражения к классу ортофемизмов, эвфемизмов, дисфемизмов вне контекста) — оценка, которая используется в ряде словарей, — может быть связана с т. н. критерием вежливости среднего класса (*middle-class politeness criterion*) [Allan, Burrige 2006: 34]), который представляет собой ряд установок, принятых в качестве нормы при обращении к случайному знакомому противоположно-го пола в рамках формальной беседы в среде представителей среднего класса.

В соответствии с законом Грешема, применяемым в экономической науке, «плохие деньги вытесняют хорошие». В лингвистике существует подобный закон Аллана — Барриджа о семантических изменениях, согласно которому с течением времени негативные значения вытесняют положительные. Иными словами, многие эвфемизмы со временем теряют свою эвфемистическую природу, так как возникающие негативные ассоциации заявляют о себе и подрывают эвфемистический характер слова или выражения. Вследствие того, что любое общество склонно к формированию предвзятых представлений о тех или иных реалиях, положительное значение эвфемизма со временем нивелируется, выражение приобретает негативную коннотацию (или возвращает ее себе, если она наличествовала прежде), что, в свою очередь, требует появления новой эвфемистической замены. Так, напр., слово *handicapped* в 1920-е гг. служило эвфемизмом для номинирования детей-инвалидов. В 1958 г. произошло расширение спектра функционирования данного эвфемизма, и он стал относиться уже ко всем категориям инвалидов без учета возрастных характеристик⁵. На настоящий момент в Кембриджском словаре английского языка прилагательное *handicapped* маркируется стилистической пометой «offensive» («оскорбительное»)⁶, т. е. является дисфемизмом. Диахронически и контекстуально/дискурсивно обусловленные изменения в семантике языковой единицы также можно проследить на примере выражения *illegal aliens*. Это выражение (в прошлом эвфемистическая замена *refugees*) со временем приобрело дисфемистический характер, возможно вследствие того, что понятие *aliens* ‘not humans’ стало подразумевать захватчиков, не принадлежащих к человеческой расе, и на сегодняшний день выражение *illegal aliens* маркируется в словарях пометой «offensive»⁷, наряду с этим являясь ортофемизмом в юридической практике США⁸. С течением времени

⁵ Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 10.04.2019).

⁶ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.04.2019).

⁷ YourDictionary. URL: <https://www.yourdictionary.com/> (дата обращения: 10.04.2019); Dictionary.com. <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 10.04.2019).

⁸ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.04.2019).

термин *illegal aliens* приобрел эвфемистическую замену — *illegal immigrants*. По прошествии времени уже номинация *illegal* приобрела дисфемистический характер, так как политические деятели (преимущественно представители Демократической партии США) посчитали, что в соответствии с нормами политкорректности человек не может быть вне закона, т. е. нелегальным (*illegal*).

Ведь, как известно, в философии англо-американской культуры, в особенности в последние годы, большое внимание уделяется соблюдению норм политкорректности. Согласно С. Г. Тер-Минасовой, «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые... ущемляют его [индивидуума] человеческие права... языковой бестактностью и/или прямолинейностью...» [Тер-Минасова 2000: 216]. Следствием подобного дисфемистического переосмысления эвфемизма *illegal immigrants* явилось приобретение им новой эвфемистической замены — *undocumented/unauthorized immigrants*.

Интересно проследить особенности употребления в одном и том же контексте дисфемистического выражения *illegal immigrants* и его эвфемистической замены *undocumented immigrants*. Так глава иммиграционной и таможенной службы США (ICE) Марк Морган комментирует ситуацию, касающуюся мигрантов, незаконно пересекших границу США с Мексикой: *On CNN, Morgan also took issue with the phrase “undocumented immigrants” to describe those targeted by the raids. “These aren’t undocumented immigrants. These are illegal immigrants,” he said* [Sonmez 2019].

Намеренная замена эвфемизма *undocumented immigrants* на дисфемизм *illegal immigrants* обусловлена прагматическими целями говорящего и его отношением к ситуации (subject-object relationship): делая выбор в пользу дисфемизма, Марк Морган оправдывает проведение американскими властями крупномасштабных рейдов против нелегальных мигрантов, акцентируя тот факт, что они (*illegal immigrants*) нарушили закон США (в соответствии с Кембриджским словарем английского языка *illegal* означает ‘not allowed by law’⁹).

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что иксфемия представляет собой нелинейный флуктуальный метакоммуникативный феномен, и критериями идентификации эвфемии и дисфемии должны служить диахронические изменения (семантические изменения языковой единицы с течением времени), текущий контекст/дискурс, в рамках которого функционирует то или иное выражение, исходный контекст, личное восприятие говорящим объекта или явления (subject-object relationship).

Источники

Sonmez 2019 — Sonmez F. Acting Border Patrol chief on Mississippi ICE raids: ‘These aren’t raids’. *The Washington Post*. 2019, August 11. https://www.google.ru/amp/s/www.washingtonpost.com/politics/acting-border-patrol-chief-on-mississippi-ice-raids-these-arent-raids/2019/08/11/f3fe5a5a-bc3d-11e9-a5c6-1e74f7ec4a93_story.html%3foutputType=amp (дата обращения: 11.08.2019).

Zauzmer 2018 — Zauzmer J. Is it anti-Semitic for President Trump to call Chuck Todd ‘sleepy eyes’? *The Washington Post*. 2018, April 24. https://www.washingtonpost.com/news/acts-of-faith/wp/2018/04/23/is-it-anti-semitic-for-president-trump-to-call-chuck-todd-sleepy-eyes/?utm_term=.6470b6a33f0c (дата обращения: 24.04.2018).

⁹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.04.2019).

Словари

Жеребило 2010 — Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Литература

- Дейк 1989 — Дейк Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. Пер. с англ. Петров В. В., Герасимов В. И. (ред.). М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Резанова 2008 — Резанова А. Н. *Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции*. Дис. ... канд. филол. наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб., 2008. 179 с.
- Свирковская 2005 — Свирковская С. В. *Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кубанский государственный университет. Краснодар, 2005. 36 с.
- Сидельникова 2013 — Сидельникова Е. А. *Коммуникативно-прагматическая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2013. 22 с.
- Тер-Минасова 2000 — Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000. 490 с.
- Шейгал 2000 — Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2000. 431 с.
- Allan, Burridge 2006 — Allan K., Burridge K. *Forbidden words: taboo and the censoring of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
- Duda 2011 — Duda B. Euphemisms and dysphemisms: in search of a boundary line. *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 2011, (45): 9–11.
- Foerster 2003 — Foerster H. von. *Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition*. New York: Springer, 2003. 201 p.
- Glaserfeld 1995 — Glaserfeld E. von. *Radical constructivism: A way of knowing and learning*. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 p.
- Jay 1992 — Jay T. *Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets*. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins, 1992. 272 p.
- Kröll 1984 — Kröll H. *O eufemismo e o disfemismo no português moderno*. Lisbon: Instituto de Cultura e Língua Portuguesa, 1984. 170 p.
- Mercury 1995 — Mercury R. E. Swearing: A “bad” part of language; A good part of language learning. *TESL Canada Journal*, 1995, 13 (1): 28–36.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2019 г.

Статья рекомендована в печать 16 декабря 2019 г.

Tatiana A. Fomina

Moscow State Institute of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia
wesna85@bk.ru

X-phemisms, or On the difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms*

For citation: Fomina T. A. X-phemisms, or On the difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (1): 122–134. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.108> (In Russian)

* Acknowledgements: I am deeply indebted to Andrew S. Druzhinin, Associate Professor, Department of English Language No. 3, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), for his extremely valuable comments on this article.

The present paper attempts to examine the existing approaches to the study on euphemisms and dysphemisms. The paper finds that the study on euphemisms and dysphemisms should be based on the holistic approach that entails combining particular aspects of diverse fields and provides a comprehensive understanding of language as a cognitive-communicative, sociocultural and biopsychological phenomenon. Applying both functional-pragmatic and diachronic approaches proves to be effective in identifying euphemisms and dysphemisms and distinguishing between them. The results of the study indicate that not all low colloquialisms may be considered dysphemisms, although in some cases pejorative words, taboos and vulgarisms may serve as a conceptual source of dysphemisms. The study reveals that there can be no such notion as universal euphemism or universal dysphemism as the status of a word is determined by a set of social attitudes that may vary between dialect groups and even between individual members of the same community. Thus, when distinguishing between euphemisms and dysphemisms one should take into consideration diachronic meaning change, the current context, the previous context, subject-object relationship. The research data is taken from English socio-political discourse, media discourse, English monolingual and etymology dictionaries. The choice of the research data stems from the fact that media discourse and socio-political discourse reflect public ideologies and values, which allows to monitor diachronic meaning change conditioned by social factors. In addition to it, the dynamic nature of x-phemisms becomes observable in socio-political and media experiential contexts.

Keywords: euphemisms, dysphemisms, orthophemisms, diachronic semantics, context.

References

- Дейк 1989 — Dijk T. A. van. *Language. Cognition. Communication*. Transl. from English. Petrov V. V., Gerasimov V. I. (eds.). Moscow: Progress Publ., 1989. 312 p. (In Russian)
- Резанова 2008 — Rezanova A. N. *Dysphemisms in English: Semantic mechanisms and pragmatic functions*. Thesis for PhD in Philological Sciences. A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. St. Petersburg, 2008. 179 p. (In Russian)
- Свирковская 2005 — Svirkovskaia S. V. *Xenophobic discourse (linguopragmatic aspect)*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Kuban State University. Krasnodar, 2005. 36 p. (In Russian)
- Сидельникова 2013 — Sidel'nikova E. A. *Communicative-pragmatic peculiarities of euphemisms and dysphemisms in economic discourse*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Adyge State University. Majkop, 2013. 22 p. (In Russian)
- Тер-Минасова 2000 — Ter-Minasova S. G. *Language and cross-cultural communication*. Moscow: Slovo Publ., 2000. 490 p. (In Russian)
- Шейгал 2000 — Shejgal E. I. *Semiotics of political discourse*. Thesis for the degree of Doctor of Philology. Volgograd State Pedagogical University. Volgograd, 2000. 431 p. (In Russian)
- Allan, Burrige 2006 — Allan K., Burrige K. *Forbidden words: Taboo and the censoring of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
- Duda 2011 — Duda B. Euphemisms and dysphemisms: in search of a boundary line. *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 2011, (45): 9–11.
- Foerster 2003 — Foerster H. von. *Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition*. New York: Springer, 2003. 201 p.
- Glaserfeld 1995 — Glaserfeld E. von. *Radical constructivism: A way of knowing and learning*. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 p.
- Jay 1992 — Jay T. *Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets*. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins, 1992. 272 p.
- Kröll 1984 — Kröll H. *O eufemismo e o disfemismo no português moderno*. Lisbon: Instituto de Cultura e Língua Portuguesa, 1984. 170 p.
- Mercury 1995 — Mercury R. E. Swearing: A “bad” part of language; A good part of language learning. *TESL Canada Journal*, 1995, 13 (1): 28–36.

Received: May 04, 2019

Accepted: December 16, 2019